

Чжун Минлянь была немного глуповата и не знала, кому из них верить, но инстинкт подсказывал ей, что два таланта, которые пришли позже, были настоящими, потому что любой человек с глазами мог видеть, кто истинный, а кто ложный.

Только потому, что она могла видеть, кто истинный, а кто ложный, она очень рассердилась и строго спросила Хуо Цинчжу: "Цинчжу, у тебя есть какие-нибудь объяснения?"

"Мин Лянь, не верь им, это все Дин Сяорань пришла, чтобы действовать, фальшиво, они фальшивые". Хуо Цинчжу еще больше обезумела, заорала, как сумасшедшая, и бросилась гнать настоящих госпожу Хэ и госпожу Хэ.

Но как раз когда она уже собиралась подойти, сзади появилось несколько телохранителей и остановили ее.

Госпожа Хе шагнула вперед, презрительно улыбаясь, и презрительно сказала: "Даже если мне скучно, я не стану от скуки приходить сюда выступать. Хотя я не знаю, кто ты, я знаю, что ты выдаешь себя за меня и обманываешь. Достаточно".

Настоящий Хэ Сюэфэй тоже подошел и посмотрел на Хэ Сюэфэй, которая сидела на земле, насмехаясь над ней: "Такая деревенская женщина тоже приходит, чтобы выдать себя за меня, это слишком самоуверенно".

Хэ Сюэфэй подняла глаза, полные слез, посмотрела на насмехающегося над ней человека и сказала тонким, как у комара, голосом: "Да, мне очень жаль".

Такой тоненький голосок не мог быть услышан никем, кроме нее. Другие видели лишь ее угрызения совести, нервозность и слезы на глазах.

Увидев слабый взгляд Хэ Сюэфэй, Хуо Цинчжу сердито подошел к ней, подтянул к себе и крикнул: "Ты дашь мне немного смелости и дерзости, ладно?"

Хэ Сюэфэй была сильно подтянута Хуо Цинчжу, но у него не было ни смелости, ни отваги, и он все еще плакал, и грустно уговаривал: "Мама, дела идут к этому, так что не лги другим, ладно?"

"Что за чушь ты несешь?" Хуо Цинчжу отвесил Хэ Сюэфэй пощечину, приложив слишком много силы, так что уголки рта Хэ Сюэфэй кровоточили.

"Мама, есть человеческие и физические доказательства, кому, по-твоему, мы можем лгать?"

"Хэ Сюэфэй больше не стыдится своего лица, теперь он больше не чувствует стыда, но отпускает все и смело говорит все слова в своем сердце. В конце концов, ложь есть ложь. Можно закрыть рот человеку и не дать ему сказать правду, но можно ли закрыть рот всем людям в мире?"

"Что за чушь ты несешь?"

"Это я говорю ерунду, ты знаешь это в своем сердце. Мама, нашу ложь разоблачили. Просто посмотри правде в глаза".

"Конечно, дело не в том, что твоя биологическая дочь не целовалась. Как тяжело ты тебя воспитывала, неужели ты вернула меня такой?" Хуо Цинчжу снова дал пощечину Хэ Сюэфэй и ударил ее по другой стороне лица.

Однако Хэ Сюэфэй совсем не почувствовала боли, ей стало немного смешно. В этот момент на его лице появилась радостная улыбка: "Оказывается, я действительно не твоя биологическая дочь. Неудивительно, что ты меня не любишь".

"Даже если ты не моя родная, но я тебя вырастила, воспитала, ты должна быть благодарна".

"Вырастила, согласно тому, что они сказали только что, ты - личный торговец людьми, так что, если рассуждать, я тоже должна была быть похищена тобой. Если бы я не был похищен тобой, боюсь, что сейчас у меня был бы очень счастливый дом, с любовью моих родителей, а не твоей пары, любящей азартные игры. Из-за вас я потеряла привязанность, которая у меня должна быть, и счастливую семью, которая у меня должна быть. Вы также сказали мне быть благодарной. Не находишь ли ты это смешным?" Хэ Сюэфэй Его эмоции также начали возбуждаться, и он был полон негодования по отношению к Хуо Цинчжу, как бы выпускающая всю боль и недовольство, которые накопились глубоко в его сердце.

"И что?"

"Хуо Цинчжу, из-за тебя я уже потерял родных и счастье. Ты все еще хочешь причинить мне вред? Я говорю тебе, что с этого момента я больше не позволю тебе причинять мне вред. То, что ты делаешь сам, что вредит Небу и Правде, ты сам Идешь и несешь, ты и Хэ Шэньюй должны игорные долги, и ты сам их выплачиваешь.

С этого момента я больше не буду иметь никаких отношений с твоим мужем и женой".

"Ты думаешь, это действительно не имеет значения, если ты говоришь одними губами?"

"Я не твоя дочь, а человек, которого ты лишил счастья. Мало того, что ты задолжал чужие игровые долги, ты также должен мне кучу непонятных долгов, так что мои отношения с тобой теперь - это долг."

"Ха, звучит неплохо. Ты все еще моя дочь после этой двери. Если сборщик долгов увидит тебя, он обязательно попросит тебя об этом. Если ты не сможешь дать, они продадут тебя. Как ты думаешь, это действительно просто долговые отношения между тобой и мной?" Хуо Цинчжу понимал, что ситуация необратима, но гнев в его сердце был так велик, что он должен был выплеснуть свой гнев на Хэ Сюэфэй.

Хэ Сюэфэй не сердится, потому что знает правду и ненавидит Хуо Цинчжу до мозга костей, к тому же Хуо Цинчжу не любил ее по-настоящему с самого детства, так что ненависть в ее сердце еще сильнее, чтобы отомстить, все будет сделано полностью. Скажи мне: "Тетушка, когда моего сына в последний раз избили в больнице, Хуо Цинчжу послал кого-то сделать это. Мы с самого начала специально подбирались к вам, пытаюсь выманить у вас деньги. Тетя, в эти дни я чувствую, что вы искренне относитесь ко мне. Много раз я хотела сказать тебе правду, но не решалась, прости меня, надеюсь, ты сможешь меня простить".

"Уходи, я не хочу тебя слушать". Чжун Минлянь отвел взгляд в сторону, не желая видеть Хэ Сюэфэй. По отношению и тону голоса было видно ее непощение.

"Тетушка, спасибо, что заботились обо мне эти дни и дали мне понять, что значит, когда обо мне заботятся. Я ухожу, береги себя". Хэ Сюэфэй не рассердилась из-за непощения Чжун Минлянь, а со слезами на глазах обиженно смотрела на уходящую Хуо Цинчжу. Но при этом она не чувствовала ни стыда, ни грусти, а наоборот, расслабилась.

Отныне ей не нужно прятаться за игорные долги Хуо Цинчжу и Хэ Шэньюя.

Отныне она может жить своей собственной жизнью. Это новое начало.

"Хэ Сюэфэй, ты вернулась за мной, ты слышала?" Хуо Цинчжу очень рассердился, когда увидел, что Хэ Сюэфэй вот так ушла, и крикнул ей, чтобы она вернулась.

Но такой приказ был бесполезен, и Хэ Сюэфэй, не оглядываясь, вышла из зала и скрылась из виду. Объясните ей.

В это время только Хуо Цинчжу предстал перед всеми.

"Хуо Цинчжу, насколько я в тебя верю, как ты можешь так со мной обращаться?" Чжун Минлянь гневно уставилась на Хуо Цинчжу, уже зная правду.

"Мин Лянь, кроме того, что личность ювелира ложная, все остальное правда. Я не лгал тебе". Хуо Цинчжу все еще хотел объяснить, но это было бесполезно.

"Хватит, ты снова хочешь мне солгать? Ради твоих матери и дочери я чуть не выступил против своего сына и чуть не лишил себя жизни. Я не ожидал, что это окажется обманом. Ты действительно слишком многого хочешь".

"Мин Лиан..."

"Я не прощу тебя, абсолютно не прощу".

Хуо Цинчжу знала, что Чжун Минлянь не сможет ее простить, поэтому она больше не умоляла об объяснениях, а гневно продолжила: "Да, я солгала тебе, но ты не можешь перекладывать всю ответственность на меня".

"Разве это не твоя вина? Я прикипел к тебе сердцем, ты так много лжешь, у тебя еще есть совесть?".

"Ты сказал, что у меня нет совести, так почему же ты не такой? Если бы вы не были слишком снобом и не смотрели свысока на простых людей, разве вы бы обманывали? По всем признакам, вы слишком претенциозны, слишком самоуверенны и слишком презираемы. "

"Ты..." Чжун Минлянь была обругана Хуо Цинчжу, ее сердце разрывалось от гнева, она прикрыла сердце одной рукой и неуверенно отступила назад.

Дин Сяорань стоял рядом с ним, и когда он увидел, что Чжун Минлянь вот-вот упадет, он поспешил помочь ей: "Госпожа, с вами все в порядке".

Юй Цзыцян также поспешил вперед, держа Чжун Минлянь: "Мама, что с тобой?".

Чжун Минлянь задохнулся, взглянул на Дин Сяорань, а затем отвел руку назад, чтобы предотвратить ее прикосновение, и сердито сказал: "Теперь ты довольна, ты чувствуешь себя очень счастливой, я глупая и обманутая?".

"Я никогда не думала об этом в таком ключе." искренне ответила Дин Сяорань, грустно посмотрела на Юй Цзыцяна и не осмелилась снова прикоснуться к Чжун Минлянжу.

"Мама, Сяоран не такой человек, не думай о ней так много, хорошо?" Юй Цзыцян сказала что-то приятное Дин Сяоран, все еще чувствуя себя беспомощной.

Я думала, что после того, как истинное лицо Хуо Цинчжу и Хэ Сюэфэй было раскрыто, его мать примет Сяо Ран, но, похоже, это все еще не так.

"Неужели я совершил ошибку? Она бы точно возненавидела меня, если бы я так с ней обращался, а сейчас она, должно быть, смеется надо мной".

"Мама, куда ты хотела пойти?"

"Я говорю правду".

"Давай поговорим об этом позже, сначала поговорим о Хуо Цинчжу". Юй Цзыцян быстро сменила тему, не позволяя Чжун Минлянь продолжать разговор об этом, но дала Дин Сяорань облегченный взгляд.

Дин Сяоран ответила с улыбкой, понимая, что он имел в виду, поэтому я не буду говорить больше. Ей нужно больше времени и больше терпения, чтобы заставить Чжун Минляня принять его.

Говоря о Хуо Цинчжу, Чжун Минлянь снова разозлился, резко посмотрел на нее и продолжил сердито ругать: "Хуо Цинчжу, я всегда считал тебя хорошим другом. Я не могу ожидать, что ты вернешь меня таким образом. Ты слишком ненавистна".

Несмотря на то, что правда стала известна, высокомерие Хуо Цинчжу все еще очень высокомерно: "Друг, ты действительно относишься ко мне как к другу? Если я с самого начала расскажу свою истинную ситуацию, ты будешь относиться ко мне как к другу?"

"Ты..."

"Нет, ты не относишься ко мне как к другу, ты даже смотришь на меня свысока, ты даже не хочешь смотреть на меня, я могу знать, как ты относишься ко мне по твоему отношению к Дин Сяоран".

"Хуо Цинчжу".

"Почему, ты злишься? Чжун Минлянь, ты эгоистичный и презирающий сноб. Неудивительно, что Юйвэньхэ не хочет тебя, ведь ты не заслуживаешь настоящей любви ни одного мужчины.

Вы и Линь Шуру просто несравнимы. Любой, у кого есть глаза, знает, что нужно выбирать Линь Шуру, а не тебя".

"Ты..." Чжун Минлянь так разозлилась на слова Хуо Цинчжу, что у нее защемило сердце, и она не могла его поднять, и в итоге потеряла сознание.

()

<http://tl.rulate.ru/book/40213/2084511>